

*Першина И. Л., ст. преп., соискатель
Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова*

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ ФИЛОСОФИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ФОРМЫ

irina.pershina@mail.ru

Сформулированы принципы систематизации концепций философии архитектурной формы, начиная с рассмотрения видов знаний о форме, знаний о морфологии формы, которое включает рассмотрение видов морфологических описаний архитектурной формы. Рассмотрены многообразные приемы получения морфологических моделей архитектурных форм, например – гномоны и правила их применения. Затронута тема формально-морфологических построений формы.

Ключевые слова: *Морфологические модели архитектурных форм, формально-морфологические построения архитектурных форм, язык метаописания архитектурных форм, символика и феноменология восприятия архитектурных форм.*

Дисперсное армирование может относительно принципов систематизации концепций архитектурной деятельности, для ее построения предлагается различать непосредственное, мотивирующее и рефлектирующее знание. *Непосредственное* знание выражает нормативность в нерелективированном виде. В *мотивированном* знании это нормативное содержание уже подвергается некоторой рефлексии и острашению, выражаемой обычно в виде формулы: "если – то" или "причина – следствие". Описание деятельности в таком случае организовано как теоретический принцип или методическое указание к применению, поиску или выбору тех или иных форм. В предельно *рефлектированном* знании форма рассматривается уже как нечто условное и обусловленное мышлением, культурой или деятельностью. Это знание о форме как норме в системе деятельности [6].

Непосредственное, нерелективированное знание о морфологии архитектурной формы есть некий образец, модель, вещь – данная не столько для созерцания, сколько для практического копирования. Чаще всего мы имеем графическое описание такой морфологической модели, которое можно скопировать, снять с помощью кальки или множительного аппарата. Это может быть чертеж в пособии, учебнике, журнале. Это может быть шаблон, лекальный чертеж или то, что в иконописи входило в "подлинник" – прорись графического рисунка. Воспроизведение такого шаблона чаще всего достигается простым механическим действием. В архитектуре существует множество способов снятия таких механических копий с помощью калек, восков, на просвет, путем обводки шаблона и пр.

Морфологическое описание может иметь вербальный или вербально-числовой характер. Тогда указывается, какие действия нужно осуществить, чтобы получить искомую графическую модель, рисунок или чертеж. Скажем, разбивка плана сооружения прямо на земле пред-

полагает такие операции как нахождение центра, проведение через него линий, окружностей, отмеривание определенных отрезков линий, откладывание их и т. п., подобно тому как задается выполнение почти всякого геометрического чертежа.

Характерным примером такого рода морфологических описаний могут быть чертежи декоративных деталей, например, ионических или коринфских капителей, схем планировки зданий разных типов, элементов классического ордера. Вот как, например, такой вид описания дается Витрувием: "Фасад дорийского храма, с той его стороны, где помещаются колонны, надлежит разделить, если это четырехколонник, на двадцать семь частей, а если шестиколонник – на сорок две части. Одна из этих частей будет модулем, по гречески "эмбатес". Когда этот модуль установлен, то на его основании производят вычисление всех частей постройки. Толщина колонн будет два модуля, высота вместе с капителью – четырнадцать" [2, с. 83]. Перед нами типичный рецепт ремесленного наставления по изготовлению определенной вещи, изделия, определяющий в данном случае строение архитектурной формы. Витрувий здесь не дает ни символической, ни феноменологической интерпретации данной колонны, ни мотивирования этих числовых соотношений. Предлагаемая форма дается нормативно как раз и навсегда установленный стандарт. Конечно, зодчие и раньше, и позже отступали от этих размеров, варьируя их в соответствии с обстоятельствами, имеющимися конструкциями, материалом, требуемыми размерами помещений и даже в соответствии с собственным вкусом, но все это ни в коей мере не меняет значения того морфологического описания формы, которое дал в данном случае Витрувий, а до него и после него многие другие авторы наставлений, трактатов и книг.

Можно было бы специально рассмотреть многообразные приемы, выработанные ремес-

ленной архитектурной практикой для получения морфологических моделей архитектурных форм, например – гномоны и правила их применения.

Рефлексивное знание о морфологии оперирует обобщенными представлениями, типологиями и классификациями.

Простейший пример рефлексивных морфологических описаний можно видеть в тех случаях, когда построение той или иной формы или чертежа осуществляется с помощью предварительных или промежуточных геометрических построений. Так, например, достаточно вероятно, что при росписи ваз использовались геометрические схемы, в которые вписывались человеческие фигуры. Сохранившиеся до нашего времени разбивочные чертежи египетских каменщиков не оставляют сомнений в том, что в древности широко применялись промежуточные геометрические построения. Можно предположить, что в ряде случаев эти геометрические построения являлись более ранними видами орнаментальных украшений, которые были позднее вытеснены фигуративными рисунками, однако сохранились в качестве подосновы, канвы этих рисунков. В любом случае рефлексивное знание оперирует двумя системами построения формы: нормами построения некоторой подосновы (она и выступает как абстрактная схема, сетка, позднее – геометрическая решетка) и нормами построения фигуративных форм. В таком случае геометрическая канва начинает выступать в виде внутреннего ”закона” построена окончательного рисунка, уже невидимого в нем непосредственно и не сохраняющегося в готовом продукте. Знание о знакопостроении этих промежуточных морфологических построек оказывается рефлексивным, поскольку в нем выражается невидимый ”способ” деятельности мастера, непосредственно в готовой вещи не заметный.

В исследовании Ж. Зейтуна [4] рассматриваются варианты основ построения архитектурно-планировочных чертежей – различные виды решеток. Эти решетки могут быть описаны языками геометрии и топологии, в которых формулируются инвариантные закономерности их построения. Образуется своего рода иерархия абстрактных описаний формально-морфологических построений, которые, если знать их смысл, как бы просматриваются, просвечивают в окончательной архитектурной форме, но непосредственно в ней не даны и часто не выражены даже в алгоритме, предписывающем действия построения формы. Тем не менее само наличие этих знаний и описаний позволяет нам говорить об их включенности в содержание

формы, считать ”глубинными” пластами или слоями формы.

К числу такого рода глубинных форм относятся и пропорции или точнее – пропорциональные системы, с помощью которых ведется либо построение форм, либо их последующая гармонизация.

Эти глубинные формы имеют немало общего с тем, что иногда называют ”внутренней формой”. Примеры внутренних форм дает нам этимология.

В архитектуре этимология чаще встречается в виде указания на архаические прототипы формы, хотя и декоративные формы могут истолковываться как этимологические рудименты: приставной декоративный ордер можно понимать как след колоннады, превращенной в стену, что относится, естественно, не столько к морфологии, сколько к символическому.

Наконец, особое место в системе рефлексивных морфологических знаний занимают описания форм, которые были развиты в пропедевтических курсах архитектурных школ XX в.: Баухаузе и Вхутемасе. Примером такого языка может служить язык описания элементов архитектурно-пространственных форм, предложенный группой рационалистов во главе с Н. Ладовским и изложенный впоследствии в книге В. Кринского, И. Ламцова и М. Туркуса ”Элементы архитектурно-пространственной композиции” [5].

Не все в этом языке может быть безоговорочно отнесено к морфологии – в некоторых местах здесь речь идет о символическом и феноменологии восприятия архитектурных форм. Но классификация метрических порядков, плотностей и фактур, ритмических рядов и многое другое может быть отнесено к метаязыку описания морфологии архитектурной формы, так же к метаязыку могут быть отнесены описания планировочных решеток, пропорциональных схем и т. п.

Здесь может возникнуть подозрение, что эти языки описания неправомерно относить к метаязыку, поскольку они сохраняют свое морфологическое присутствие в готовой форме. Эти свойства не исчезают подобно вспомогательным решеткам или пропорциональным построениям. Чтобы снять эти сомнения, нужно подчеркнуть, что речь идет не о том, доступны или недоступны те или иные качества формы чувственному восприятию, а о том – существует или не существует язык их специального описания, независимый от языка описания конкретной формы. Языки пропедевтических курсов Ладовского, Клее, Кандинского, в которых даются описания видов линий, поверхностей, про-

странственных соотношений плоскостей, масс и т. п. – выполняют функции абстрагированного метаязыка по отношению к тому, что непосредственно выявлено в архитектурной или художественной форме [8]. И даже если бы описания конкретной формы в точности совпадали с описаниями композиционных элементов, все равно мы вынуждены были бы разделять эти описания и эти языки.

Языки метаописаний, рефлексивного анализа формы как правило сводят ее к некоторому, возможно наименьшему количеству исходных элементов, различные варианты совмещения которых дают в итоге то, что и является морфологическим субстратом художественной формы. Элементы морфологической формы могут быть сколь угодно простыми, почти математическими понятиями: плоскость, линия, равновесие, пропорции и т. п. Обычно эти элементы морфологического описания и считаются элементами архитектурной и художественной формы. Мы настаиваем на том, что это не так. По отношению к архитектурной форме (понимаемый как художественная форма) элементом является все морфологическое описание формы, вся ее морфология, равно как символика и феноменология. Но сами морфологические описания в свою очередь могут строиться из элементов того или иного конструктивного языка их морфологического метаописания. Решетки, пропорции или элементы, выявленные в пропедевтических курсах, и образуют элементы такого рода конструктивного описания морфологии.

Аналитические описания Ж. Зейтуна не являются пропедевтическими, хотя и могут быть использованы в пропедевтических целях. Элементы, выявленные в пропедевтических курсах, могут при желании быть использованы для исследования форм и композиций вне всякой связи с пропедевтикой. Однако рефлексивный смысл этих метаописаний, не всегда жестко зависящий от их употребления, все же может привнести в морфологические истолкования формы либо пропедевтический, либо исследовательский оттенок. Эти оттенки в точном смысле слова не являются морфологическими и уводят нас в другие области смыслообразования. Тем не менее не учитывать их в систематизации концепций архитектурной формы мы не можем.

Одним из источников геометрического абстракционизма является смешение морфологии художественной формы с самой формой, чему немало способствовали

пропедевтические курсы.

В поисках символической основы современная теория архитектуры пытается использовать конструкцию, функцию, реже – эмблемати-

ку. В истории архитектуры эта основа едва ли имела конструктивный или функциональный характер. Скорее всего, символическим основанием архитектурной формы оказывался некий синкретический миф, к которому стягивались иные значения. Впоследствии эти значения сами приобрели вторичный исторический или географический смысл, не уничтожавший его первоначальной мифологической сердцевины, но обогащавший совокупное значение формы, связывая ее с особенностями места и времени постройки, обстоятельствами строительства и т. п.

Описание непосредственных символических значений архитектурной формы – задача исторического исследования.

В современной теории архитектуры интерес проявляется не к первичным, а ко вторичным значениям архитектурных форм. И это совершенно закономерно, так как утрата первичных символических значений может быть восполнена только через мышление, которое способно дать только вторичные значения. В связи с этим сегодня распространены мотивированные и рефлексивные символические значения архитектурных форм, и они-то как раз совпадают с содержательной стороной большинства архитектурно-теоретических концепций последних веков.

Символические значения архитектуры, ранее бывшие содержанием мифологии культуры, в Новое время вырабатываются ее специализированной частью – теорией архитектуры. Это наблюдение, имеет весьма ощутимые последствия для анализа не только архитектурной формы, но и для общей оценки статуса архитектуры и ее теории в современной культуре.

В качестве символического содержания архитектурной формы в Новое время начинают выступать уже не мифологические значения, нормативно заданные культурой в целом, но те или иные знания, доктрины и концепции, которые рождаются то как продукт обобщения исторического опыта, то как результат наблюдения над природой и отождествления законов природы с законами архитектуры, то как проект некоторой социальной и культурной утопии [3].

Простейшие символические значения строятся на основе изобразительных ассоциаций и метафор. Архитектурные сооружения изобразительно уподобляются образам природы, архитектуры или техники. Таковы историзирующие и эклектические концепции XIX в., в которых архитектурная форма выступала в качестве носительницы исторических, культурных смыслов. Натуралистических, как у Булле и Леке, или абстрактно-морализующих, как у Дюрана и Леду, но чаще всего — как историко-культурных. С

этой линией связана вся традиция Ренессанса и малых ренессансов XIX в., "ривайвализм" – возрождения классики, итальянского Ренессанса, псевдоготики, восточной архитектуры или любых национальных традиций в качестве декоративных архитектурных форм.

Морфологическая основа этих заимствований поставляется археологией, но символический смысл заимствуемых пластических форм черпается в области исторического знания. По сути дела историко-архитектурная декорация – это чаще всего просветительская утопия, декоративное выражение просветительских идеалов, прежде всего познавательных и потому оказавшихся не слишком долговечными. Содержание реальной жизни с ее помощью скорее скрывалось, в связи с чем последующие поиски архитектурного содержания (можно сказать – символического), предпринимались в сфере индустриально-технологических, функциональных, идеологических и политических структур.

Символизм связывает некую видимую форму с невидимым, но значимым содержанием, какой бы природы оно ни было: мифологической, политической и пр. Рациональные концепции предписывают такой путь образования формы, при которых видимая форма соотносилась бы с неким стоящим за ней содержанием [7].

Когда обсуждаются частные детали, эта связь может оказаться мало заметной. Например, когда Виолле-ле-Дюк объясняет способы артикуляции архитектурных обломов характером солнечного освещения для той или иной географической широты и особенностями их зрительного восприятия через интерпретацию теней – мы остаемся в сфере частных и конкретных соображений [1]. Точно также, когда рассматриваются принципы построения ордерных форм на основе рационального истолкования выступов свешивающихся профилей как средства защиты от дождя, все остается на своих местах. Такова внутренняя логика рассуждения. Можно, конечно, было бы сказать, что ветер ломает эту логику, ибо капли дождя не падают строго по отвесу, но и этот аргумент может быть в свою очередь принят во внимание для логического вывода архитектурных форм из климатологических или иных практических допущений. Важно не это, а то, что форма, какой бы она ни была и какими бы аргументами ни подтверждалась, обосновывается именно с помощью рациональных доводов на основе внешних условий и выражает не столько эти внешние условия, сколько самый принцип рационального построения архитектурных форм.

Сознание априорно полагает, что всякая вещь, если это вещь – должна иметь форму. Чтобы понять отношения формы и содержания, нужно погрузиться в предметную историю деятельности, ее орудийные средства, исторически изменяющиеся цели и условия, в многообразии языков описания предметов деятельности и их взаимоотношения. В истории этих отношений можно различить изменяющиеся и инвариантные структуры. Рефлексия состоит в сопоставлении двух видов описания одного и того же предмета: словесного и изобразительного. Схема сопоставления и его следствия для мышления: если мы обладаем двумя описаниями одного и того же предмета, появляется возможность сопоставить и противопоставить их друг другу. К форме обычно относят такие описания предмета, которые могут быть конструктивно использованы при его изготовлении. Стало быть, понятие формы коренится прежде всего не в научной, не в познавательной, а в ремесленной, производственной деятельности, в технике. В архитектуре использование иконического языка в качестве формы вызывается двумя его свойствами: способностью варьировать принципиальные схемы расположения частей конструкции и способностью моделировать точные параметры сооружения.

Конструктивное преобразование предполагает свободу и даже возможность разрушения и перестройки формы. Конструктивные преобразования должны сохранять основной смысл предмета. Двойственность категорий указывает на принципиальную дополнительную типологию описания, соответствующую дополнительной субъективных и объективных моментов в знании. Изменения функционального содержания формы, т.е. конструирование новой функции для какого-либо содержания с фиксированной формой, влечёт за собой изменение смысловых акцентов в развитии категории "форма".

Выделяют три ступени качественно различного понимания категории "форма": античной, классической и современной философской мысли, – что образовывало систему возможных способов истолкования формы, для практической и познавательной деятельности. В истории архитектурной мысли есть некое теоретическое ядро со своими структурами и инвариантами, еще не выявленное методологической рефлексией. А значит, есть разница между "теорией архитектуры" и той или иной творческой концепцией архитектора, между взглядами архитектора на архитектуру и архитектурную форму и теоретической конструкцией этих понятий в рамках теоретической системы. Важно определить соотношение исторических вариан-

тов трактовки архитектурной формы и в то же время выделить организацию многообразия этих идей в систему. При этом совмещаются принципы типологической классификации с теоретическими конструкциями, внешние и внутренние, экстенсивные и интенсивные моменты. Предлагаемая система – только предварительная схематизация смыслов, некая канва, из которой, однако, можно сделать и предварительные выводы, в частности, вывод о значимости проблем анализа и синтеза для всякой концепции архитектурной формы.

Морфологическое описание имеет вербальный и вербально-числовой характер. Рефлексивное знание о морфологии оперирует обобщёнными представлениями, типологиями и классификациями. Рефлексивное знание оперирует двумя системами построения формы: нормами построения подосновы и нормами построения фигуративных форм.

Символическое значение формы дается мифологической нормой ее истолкования. Придание символического значения архитектурной форме характерно для традиционной мифологической культуры. Символические значения современной архитектуры еще окончательно не выявлены и скрыты либо ее морфологическими описаниями, либо ее феноменологией, хотя именно они и составляют все же основу содержания архитектурно-художественных форм. Символика архитектурных форм затемнена их собственной многозначностью. В современной теории архитектуры интерес проявляется не к первичным, а ко вторичным значениям архитектурных форм. В связи с этим сегодня распространены мотивированные и рефлексивные символические значения архитектурных форм, и они-то как раз совпадают с содержательной стороной большинства архитектурно-теоретических концепций последних веков. Простейшие символические значения строятся на основе изобразительных ассоциаций и метафор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виоле-ле-Дюк Э. Беседы об архитектуре. –т.1. , 1938 г.,Издательство: М.: Всесоюзной Академии архитектуры, 810 с.
2. Витрувий М.П. Десять книг об архитектуре. –М., Издательство: Архитектура-С 2006 г., 328 с.
3. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. –М., 1985, 136 с.
4. Зейтун Ж. Организация внутренней структуры проектируемых архитектурных систем. –М., 1984, 160 с.
5. Кринский В., Ламцов И., Туркус М. Элементы архитектурно-пространственной композиции. –М., Стройиздат, 1968., 168 с.
6. Кураев В.И. Диалектика содержания и формы в развитии научного знания. // Вопросы философии. - М.: Высшая Школа, 1983, № 6. - С. 27-37.
7. Мантатов В.В. Образ, знак, условность. – М., Высшая школа, 1980, 158 с.
8. Рабинович В.И. Архитектурная композиция как «внутренняя форма» // Проблемы формообразования в архитектуре. –М., 1985